

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.285.296>

ПТИЦА С ЛИЧИНОЙ НА ГРУДИ: ИКОНОГРАФИЯ И ФУНКЦИЯ

© 2021 г. А.Д. Муратбакиева

Урало-сибирское культовое металлическое литье насчитывает множество образов, одним из которых является образ так называемой «птицы с личиной на груди». Подобный образ встречается в металлопластике пермского (IV–XI вв. н.э.), печорского (VI–IX вв. н.э.) и западносибирского (V–IX вв. н.э.) звериных стилей. В историографии большая часть исследований посвящена семантике образа. Вопросу иконографии уделено мало внимания, хотя некоторые иконографические признаки могут стать территориальными и хронологическими маркерами. Иконографию данного образа затрагивали в своих работах Ф.А. Теплоухов, А.В. Шмидт, Я.А. Яковлев, Л.А. Панкратова, Т.Ю. Туркина. В данной работе рассматриваются такие признаки, как количество голов орнитоморфной фигуры, видовая принадлежность головы и поза. На основании данных признаков выделено несколько групп, имеющих временную и территориальную привязку. Кроме того, выделены такие формы личин на груди, как личина без контура, личина сердцевидной формы, личина овальной формы. Согласно мифологии угорских народов, душа человека после смерти ищет себе пристанище, которыми и являлись металлические птицы. Ещё одним примером являются находки птиц иткульской культуры, расположенные на вершинах гор. По мнению В.Д. Викторовой, данные фигурки использовались как вместилища душ умерших металлургов. На основании мифологии, местонахождений и этнографических параллелей были выделены возможные функции подобных изображений: votивные предметы, украшения, вместилища душ умерших.

Ключевые слова: археология, урало-сибирское культовое литье, птица с личиной на груди, Верхнее Прикамье, средневековье, иконография, votивные предметы.

BIRD WITH A HUMAN MASK ON THE CHEST: ICONOGRAPHY AND FUNCTION

A.D. Muratbakieva

The Ural-Siberian cult metal casting includes many images, one of which it is an image of the so-called “bird with a human mask on the chest”. A similar image is found in metal-plastics of Perm (4th–11th centuries AD), Pechora (4th–9th centuries AD) and West Siberian (5th–9th centuries AD) animal styles. In historiography, most of the studies concern the semantics of this image. The question of historiography is less concentrated, although certain iconographic signs can become chronological and territorial markers. The iconography of this image was studied by F.A. Teploukhov, A.V. Schmidt, Ya.A. Yakovlev, L.A. Pankratova and T.Yu. Turkina. This paper addresses such features as the number of heads on an ornithomorphic figure, the attribution of the head, and the pose. Based on these features, several groups have been identified that have a temporal and territorial reference. In addition, such forms of masks on the chest as a mask without a contour, a heart-shaped mask, and an oval-shaped mask are distinguished. According to the mythology of the Ugric peoples, after death the soul of a person seeks a refuge, which was provided by metal birds. Another example is the finds of birds of the Itkul culture in locations on the tops of the mountains. According to V.D. Viktorova, these figures were used as containers for the souls of dead metallurgists. The possible functions were identified based on mythology, locations and ethnographic parallels: votive objects, adornments, receptacles for the souls of the dead.

Keywords: archaeology, Ural-Siberian cult casting, bird with a human mask on the chest, the Upper Kama region, Middle Ages, iconography, votive objects.

Урало-сибирское культовое литье – это плоское металлическое литье в односторонней форме, основными сюжетами которого являются единичные или многофигурные композиции с людьми, животными или птицами. Композиции чаще всего стилизованы и изображают фантастических существ (Чижова, 1982, с. 88–89). Примером этому служит

образ птицы с личиной на груди, который встречается в предметах пермского, печорского и западносибирского стилей. Пермский звериный стиль функционировал в IV–XI вв., печорский – VI–IX вв., западносибирский – V–IX вв.; печорский и пермский стили исчезли в X и XII вв. соответственно, а западносибирский, совершенствуясь, просуществовал

практически до XVII–XVIII вв. в виде медальонов и оберегов хантов и манси (Белавин, 2001, с. 20). Изображения птицы с личиной на груди широко распространены на территории Северной Евразии, однако при этом встречаются реже, чем, например, изображения медведей или человекокопеев. Находки изделий в святилищах и в погребениях с богатым инвентарём позволяют предположить статусный их характер.

Территориальные рамки исследования охватывают Верхнее Прикамье (Пермское Предуралье), Северное Приуралье (Европейский Северо-восток), Нижнее, Сургутское, Нарымское, Верхнее Приобье, Северное Прииртышье. Хронологические рамки охватывают период с VII в. до н. э. по XII в. н. э. Верхняя граница – VII в. до н. э. – дата, приписываемая орнитоморфной фигуре с человеческой головой, найденной на Пижемском городище. Опираясь на находку данного изделия, В.А. Оборин датировал появление образа птицы с личиной на груди ананьинской культурой (Оборин, 1976). XII в. н. э. датируются самые поздние изделия, относящиеся к родановской культуре Верхнего Прикамья (XI–XV вв. н. э.) и чепецкой культуре Северной Удмуртии (кон. IX – XIII вв. н. э.). Всего было рассмотрено 144 орнитоантропоморфных изображения, из которых 35 экз. происходят из кладов, 19 экз. – из могильников, 13 экз. – из святилищ, 8 экз. – из материалов городищ, 7 экз. – из костиц, 1 экз. – из жертвенного места, 2 экз. – из этнографических сборов. Случайные находки составляют 59 экз.

Собирание и описание находок культового литья началось в середине XIX века, тогда же были предприняты первые попытки интерпретации орнитоантропоморфного образа. В 1893 г. выходит фундаментальная работа Ф.А. Теплоухова «Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных». Он делил имеющиеся изображения на три вида: баснословные животные, которые сочетают в себе признаки нескольких зверей; идолы в виде птицы; идолы в виде человека. Фигуры подразделялись на рельефные и пластинчатые, обработанные с лицевой стороны (Теплоухов, 1893, с. 4–5).

В 20-е годы XX века изучением пермского звериного стиля начал заниматься А.В. Шмидт, который выпустил статью «К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля». По его мнению, существует три типа изображений: птица с человеческой головой, птица с головой орла, обращенной вправо,

птица с головой ушастого филина (Шмидт, 1927, с. 152).

Прежде чем обратиться к иконографии, стоит остановиться на некоторых методологических моментах. Иконография – это регламентированная система изображения сюжетов и персонажей (Щапова, 1991, с. 125). Однако попытка классифицировать культовые вещи с первого же шага встречает трудности: невозможно точно определить функциональную принадлежность вещей. Судя по всему, орнитоморфные подвески были у носителей взаимозаменяемы и использовались равно как украшения, так и как культовые вещи. В.Ф. Генинг выделял следующие свойства артефактов: морфофункциональные свойства (минимум значимых элементов, без которых невозможно существование предмета), субстанциональные (материал), технологические (технология изготовления), функциональные (следы воздействия другого объекта), дизайнские (внешнее оформление объекта), свойство взаимосвязей (сосуществование с другими элементами социальной системы) (Генинг, 1989, с. 71–72).

К морфофункциональным свойствам можно отнести такой элемент, как крылья, благодаря которым образ вообще может носить название орнитоморфного. Крылья являются неотъемлемым элементом образа птицы, при этом неважно, сложены они или распахнуты. Наличие двух (иногда четырех) «отростков», отходящих от тела, позволяет воспринимать изображение как стилизованный образ птицы. Основными формами крыльев являются распахнутые и сложенные, хотя в литературе встречаются такие определения, как «полураспахнутые» и «полураспушенные». Распахнутыми считаются крылья, расположенные перпендикулярно телу птицы. Концы крыльев при этом направлены вверх. У сложенных крыльев, напротив, концы смотрят вниз. Под «полураспахнутыми» обычно подразумеваются крылья, где стык плеча и предплечья выделен покатым бугорком. Следующим элементом является голова фигурки, т. к. по ней можно определить, какой именно образ представлен: птица, птица-медведь, птица-человек. Хищные представлены отрядами дневных (орлан-белохвост, белоголовый орлан, сокол-сапсан, ястреб) и ночных птиц (филин, ушастая сова).

Первую классификацию образа предложил А.В. Шмидт, выделивший 3 типа: птица с человеческой головой, орел с головой в профиль и орел с головой en face. Первый тип связывал-

ся с образом древнегреческой сирены, второй и третий – со скифскими орлами (Шмидт, 1927). Я.А. Яковлев считал, что разное положение крыльев – это лишь фиксация момента их динамики, что не помешало ему выстроить классификацию, основанную на данном признаке (Яковлев, 1996, с. 182). Л.А. Панкратова утверждала, что классификация по признакам «опущенные крылья» или «птица в полете» производиться не должна, так как в этом случае речь идет сразу об интерпретации образа (Панкратова, 2013, с. 259). Т.Ю. Туркина также создала классификацию материалов ЕСВ, в основу которой была положена композиция центрального образа – изображение в профиль и анфас (Туркина, 2014, с. 95).

Наиболее подходящая классификация, на наш взгляд, была предложена Л.А. Панкратовой: зооморфные/зооантропоморфные образы с развернутыми крыльями были разделены на 4 группы: птица, птица-антропоид, птица-медведь, птица-антропоид-медведь. По количеству голов были выделены подгруппы, по позе головы – варианты, по иконографии голов – подварианты. Было отмечено также наличие/отсутствие нижних конечностей и дополнительного образа на груди птицы (Панкратова, 2013, с. 260). Для полноты классификации позволим себе добавить дополнительную подгруппу в группу № 1 (птицы) и поместить туда двухголовые изображения; так подгруппа, в которую включены изображения с тремя головами, становится третьей по счету. Группа № 4 (птица-антропоид-медведь) не актуальна, так как единственный упомянутый там предмет интерпретируется нами иначе, нежели автором. На это место стоит поставить группу, в которую войдут изображения лося-птицы (группа № 4). Для удобства стоит назвать группы не цифрами, а литерами (1-А, 2-В, 3-С, 4-Д).

Группа А: птица.

Подгруппа I – одноголовые. Представляют самую многочисленную категорию находок (111 экз.). Некоторые головы имеют ушки, которые обычно трактуются как признак ушастой совы.

Вариант 1 включает в себя 3 профильных изображения птицы, два из которых гравировкой на круглых медных бляхах из Истяцкого клада (кон. III – первая четверть II вв. до н. э.) (рис. 1).

Отметим, что данные изображения характерны для периода РЖВ; вероятно, головы анфас в высоком рельефе изображать еще не умели. В материалах ананьинской культуры

все хищные птицы изображались в профиль с сильно выступающим загнутым клювом. На святилище Усть-Полуй имеется рельефное изображение хищной птицы с профильной головой и кружком на груди, который В.Н. Чернецов принял за изображение личины (Чернецов, 1953, с. 139).

Вариант 2 включает в себя 93 фасовых изображения птицы.

Вариант 3 включает 15 изображений орнитоморфов, у которых либо имеется выступ вместо головы, либо голова вовсе отсутствует. В связи с чем можно разделить его на подварианты.

Подвариант а. Выступ вместо головы (13 экз.). Данная форма головы орнитоморфа была выделена Д.Н. Анучиным (Анучин, 1899, с. 91). В данную категорию входят изделия из Роголихинского клада (IV в. до н. э. – II в. н. э.); Парабельского культового места (VI в. до н. э. – V в. н. э.); Соровского культового места (IV – I вв. до н. э.); городища Барсов городок III/6 (III – II вв. до н. э.) (рис. 2).

Интересно посмотреть на распространение данного типа. Изделия с выступом вместо головы характерны для периода кон. I тыс. до н. э. и встречаются за Уралом, на территории Сургутского, Нижнего Приобья, а также Северного Прииртышья. Все они уже относятся к т. н. «геральдической позе», которая к рубежу эр становится доминирующей в иконографии птицевидных идолов (Чемякин, Кузьминых, 2011, с. 72).

Подвариант б. Голова отсутствует. Входят изделия из могильника Рёлка (кон. IV – нач. VIII вв. н. э.), Веселовского могильника (IX–XI вв. н. э.).

Подгруппа II – двухголовые. Бытует мнение, что двухголовые орнитоморфы повторяют мотив трехголовых, но функцию центральной головы исполняет личина на груди.

Вариант 1 – Орнитоморфное изображение с двумя профильными головами из Гляденовского костыща (II в. до н. э. – III в. н. э.).

Вариант 2 – изображения двухголовых птиц с головой анфас. Фигурки представлены случайными находками с территории Верхнего Прикамья (XI–XII вв. н. э.) (рис. 3).

Подгруппа III – трехголовые фигуры.

Вариант 1. Три головы в профиль. Отсутствует.

Вариант 2. Три головы анфас.

Подвариант а. Одинаковые птичьих головы. Встречены случайные находки с территории Верхнего Прикамья (VIII–IX вв. н. э.), в том числе из села Верхнее Мошево Соликамско-

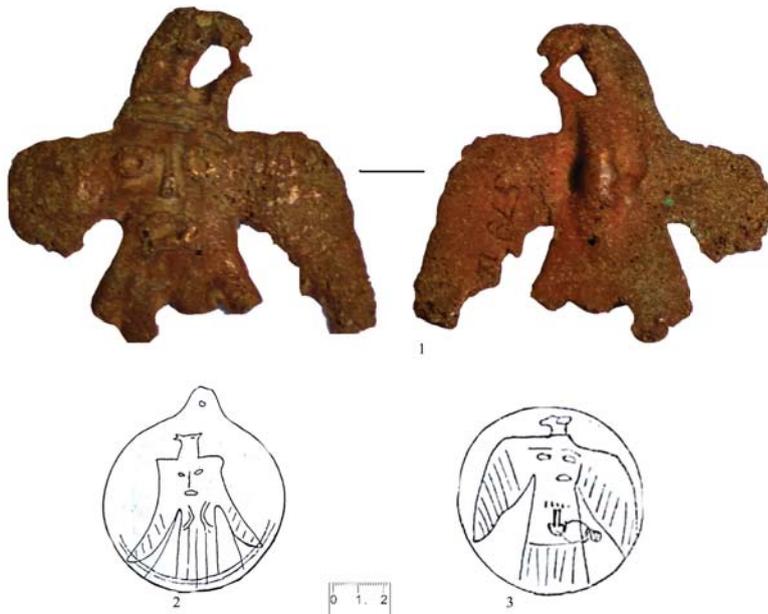

Рис.1. Орнитоморфы группы А.І.1.
1 – Екатерининский клад (ГЭ № 579/12);
2 – Истяцкий клад
(по: Спицын, 1906, с. 59).

Fig. 1. Ornithomorphs of group A.I.1.
1 – Catherine's hoard (State Hermitage, No.
579/12); 2 – Istyatsky hoard
(after: Spitsyn, 1906, p. 59).

го района (Белавин, 2012, с. 136). Находки из Парабельского культового места (VI в. до н. э. – V в. н. э.); среди находок с культового места присутствуют трехголовые орнитоморфы, но без личин на груди; Истяцкого клада (II–I вв. до н. э.), Ишимского клада (IV–III вв. до н. э.), Холмогорского клада (кон. IV – V вв. н. э.). В последнем случае имеется сочетание трех птиц, а не одной трехголовой птицы (рис. 4).

Подвариант б. Разновидовые головы анфас встречаются в единственном экземпляре в Истяцком клада – изображение птичьей головы с человеческими головами на крыльях.

Вариант 3. Центральная голова анфас, фланкирующие профильные. Изделия встречены на Гляденовском костыше (II в. до н. э. – III в. н. э.), Соровском культовом месте (IV–I вв. до н. э.), в Скородумском клада (V–IV вв. до н. э.) (рис. 5).

Трехголовые фигуры широко встречаются на территории Прикамья и Западной Сибири. Образ с фланкирующими профильными головами окончательно складывается к концу эпохи РЖВ (Чемякин, Кузьминых, 2011, с. 71). Если обратиться к карте, то видно, что наибольшее распространение образ трехголовой птицы получает в Приобье как раз в эпоху РЖВ. В материалах святилища Усть-Полуй и Парабельского культового места встречены трехголовые фигурки без дополнительных антропоморфных признаков. При этом и в эпоху РЖВ, и в эпоху Средневековья на территории Приуралья трехголовые птицы обязательно дополняются антропоморфной личиной. Первые фасовые изображения трехголовых птиц появляются в Приуралье лишь в VI в. н. э. и имеют установившуюся иконографию: распахнутые крылья, украшенные

головами лосей, хвост, состоящий из нескольких частей, также богато орнаментированный кантом. Характерно, что в Приобье к этому моменту трехголовые изображения вообще не встречаются. Так, канон орнитоморфных трехголовых фигур возникает в кулайской культуре, о чем свидетельствуют находки на Усть-Полуйском святилище, Парабельском культовом месте и на городище Няксимволь. Скорее всего, дополнительные головы несли смысловую нагрузку; умножение деталей тела добавляло амулету защитные и магические функции. Вполне возможно говорить о заимствовании данного сюжета населением Пермского Предуралья, причем заимствование уже с личиной на груди. О заимствовании образа свидетельствует также близкая стилистика фигурки трехголовой птицы с Гляденовского костыша и из Ишимского клада. На территории Прикамья в Ломоватовское время распространены образы, стилистически более близкие ранним западносибирским образцам, нежели изображению с Гляденовского костыша. Скорее всего, данный образ не прижился в местной среде, но периодически по инерции дублировался, о чем свидетельствует фигурка из села Верхнее Мошево.

Группа В: птица-антропоид.

Подгруппа I. Одна голова.

Вариант 1. Одна голова анфас. Изделия происходят с Пижемского городища (VII–III вв. до н. э.), Истяцкого клада, из с. Пиковка (I в. до н. э.) Единственным аналогичным изделием является полая пронизка с телом птицы и массивной антропоморфной личиной из Большевисимского могильника (VII–VIII вв. н. э.) (рис. 6).

Подгруппа II. Три головы.

Рис. 2. Орнитоморфы группы А.І.3.а.

1-8 – Роголихинский клад (по: Сладкова, 2015, с. 150); 9-10 – Парабельское культовое место (Эл. ресурс: [<https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/>]); 11 – Соровское культовое место (по: Кардаш, 2008, с.217); 12 – городище Барсов Городок III/6; 13 – могильник Неушья 1.2.

Fig. 2. Ornithomorphs of group A.I.3.a.

1-8 – Rogalikhinsky hoard (after: Sladkova, 2015, p. 150); 9-10 – Parabelskoe cult site (electronic resource: [<https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/>]); 11 – Sorovsky cult site (after: Kardash, 2008, p. 217); 12 – Barsov Gorodok III/6 hillfort; 13 – Neushya burial ground 1.2.

Вариант 3. Центральная голова анфас, фланкирующие профильные.

Подвариант *a*. Центральная голова человека, фланкирующие птички. Холмогорский клад (кон. IV – V вв. н. э.).

Группа С: птица-медведь.

Подгруппа I. Одна голова. Уньинский клад (III–IV вв. н. э.), Васюганский клад (VI–VIII вв. н. э.).

Подгруппа II. Три головы.

Вариант 3. Центральная анфас. Фланкирующие профильные.

Подвариант *a*. Центральная медвежья голова, фланкирующие – птички. Барсовский III могильник (I – нач. III вв. н. э.), городище Барсов городок I/20 (VI–IV вв. до н. э.).

Образ птицы-медведя встречается в западносибирском культовом литье, в пермском же зверином стиле образ медведя либо представлен полыми фигурками, либо вариациями образа медведя в «жертвенной позе». Птица с медвежьей головой из Уньинского клада – один из признаков влияния кулайского металлического литья на Печорский звериный стиль.

Группа D. Птица-лось.

Вариант 1. Профильная голова. Уньинский клад (III–IV вв. н. э.). Фигуры крылатых лосей с личинами на груди и мордами животных у основания крыльев.

Основным признаком, отличающим данные фигуры от других изображений птиц,

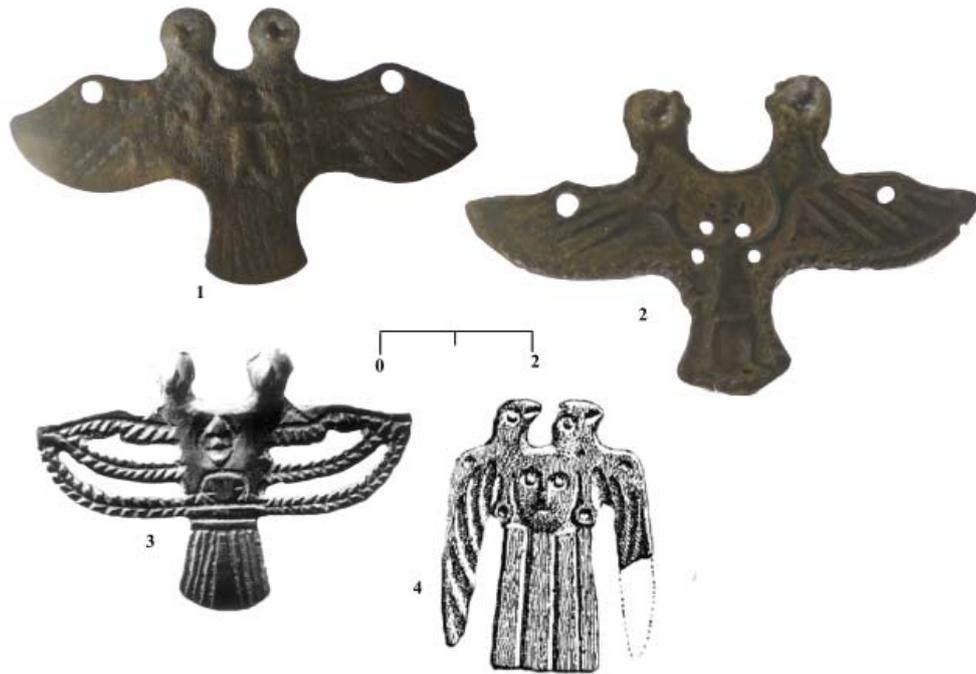

Рис. 3. Орнитоморфы группы А.И.2.

1 – д. Данилово Гайнского р-на Пермский край; 2 – Верхнее Прикамье (по: Кулябина, 2013, рис.136-137); 3 – коллекция Н.Г. Первухина (по: Анучин, 1927, с.162); 4 – Гляденовское костеище (по: Новокрещенных, 1914).

Fig. 3. Ornithomorphs of group A.II.2.

1 – Danilovo village, Gaynsky District, Perm Krai; 2 – Upper Kama region (after: Kulyabina, 2013, fig. 136-137); 3 – collection of N.G. Pervukhin (after: Anuchin, 1927, p. 162); 4 – Glyadenovskoe bone bed (after: Novokreschennykh, 1914).

является антропоморфность, которая может быть выражена человеческой личиной или фигурой на груди птицы. Выделяются следующие варианты: личина без контура, личина сердцевидной формы, личины с овальным контуром. Имеющиеся изображения повсеместно распространены в Северной Евразии и датируются I тыс. до н. э. – V в. н. э. Личины представляют собой глаза и рот в виде овалов.

Личина сердцевидной формы представляет собой абрис лица с углублением между бровями и сужающимся к низу подбородком. Впервые подобное изображение встречено среди рисунков Писаного Камня на р. Вишере. Наибольшая концентрация орнитоморфов с сердцевидной личиной приходится на территорию Верхнего Прикамья в период развитого Средневековья.

Антропоморфные фигуры на груди птицы появляются во вт. пол. I тыс. н. э. и распространяются в основном на территории Пермского Предуралья и ближайшей Северной Удмуртии. На смену вычурности и ажурности ломоватовских фигурок приходит сухой и сдержанный стиль родановской культуры. Незамысловатые зоо-/антропоморфные фигурки были просты в исполнении, что объясняет рост их популярности.

Вопрос функционального назначения культовых орнитоантропоморфных изображений наиболее актуален. За время пристального изучения предметов урало-сибирского литья данным изделиям приписывалось огромное количество функций. Однако главный вопрос: культовые ли это вещи или украшения, так и остается без ответа. Может показаться, что культовое и светское содержание определяется наличием креплений на изделиях, которые можно разделить на 3 группы: крепления на внутренней стороне изделия, крепления возле головы, крепления на крыльях. Изделия могли быть одинаково использованы и как нашивки, и как нагрудные украшения. В пользу обоих предположений говорят материалы могильников: в Веселовском (IX–XI вв. н. э.) и Кузьминском могильниках (XI–XII вв. н. э.), а также в могильнике Чердашный Лог III (VI–VIII вв.) орнитоморфы найдены в районе груди погребенных. В Веселовском могильнике даже сохранился фрагмент кожаного шнура, на который было подвешено изделие. В могильнике Окунево-III (кон. VI – VII вв.) орнитоморфы найдены в погребениях с кремациями, в которых бронзовые вещи разбросаны по всей площади могилы; это свидетельствует о том, что покойника сжигали на месте и вещи

Рис. 4. Орнитоморфы групп А.ІІІ.2.а и А.ІІІ.2.б

1-3, 7 – Парабельское культовое место (по: [https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/1096/]); 4 – Истяцкий клад (по: Чернецов, 1953, с. 270); 5 – Ишимский клад (по: Чернецов, с. 256); 6 – Холмогорский клад (по: Зыков, Федорова, 2001, с. 103); 8 – группа А.ІІІ.2.б. (по: Чернецов, 1953, с. 270).

Fig. 4. Ornithomorphs of groups A.III.2.a and A.III.2.b

1-3, 7 – Parabelskoe cult site (after: [https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/1096/]); 4 – Istyatsky hoard (after: Chernetsov, 1953, p. 270); 5 – Ishimsky hoard (after: Chernetsov, p. 256); 6 – Kholmogorsky hoard (after: Zykov, Fedorova, 2001, p. 103); 8 – group A.III.2.b. (after: Chernetsov, 1953, p. 270).

остались на тех же местах, где были на костюме при жизни.

Еще в обобщающих работах начала XX века отмечается принадлежность орнитоморфных фигурок костюму шамана. В пользу данной версии говорит находка клада кулайской культуры на Барсовой горе, который считается остатками погребения шамана. Даже в ритуальном погребении кукол-«иттарма» орнитоморфные фигуры пришиты к ткани, в которую завернуты деревянные куклы (Холмогорский клад).

Однако нельзя абсолютизировать деление на культовые вещи и украшения лишь на основе наличия крепления. Условность данного деления была отмечена еще в связи с орнитоморфами иткульской культуры, которые, хотя и находились на горном святилище и, скорее всего, были оставлены в жертву, все

равно имели крепления и были тщательно заполированы (Чемякин, Кузьминых, 2011, с. 69). Находки на горных святилищах Зауралья, по мнению В.Д. Викторовой, изображают либо духов-предков металлургов, либо служат вместилищами души самих мастеров (Викторова, 2001).

Если отойти от профессиональной принадлежности погребенных и обратиться к мифологии, то станет ясно, что среди обских угров имеются представления о наличии у человека пяти душ. 4-я душа представляет собой птицу и обитает в человеческих волосах, поэтому женщины часто используют украшения-накосники в виде птиц (Косарев, 2003, с. 81). После кремации одна из душ человека должна была получить пристанище, а металлические фигуры орнитоморфов совмещали в себе три образа души: человеческий, зооморфный и

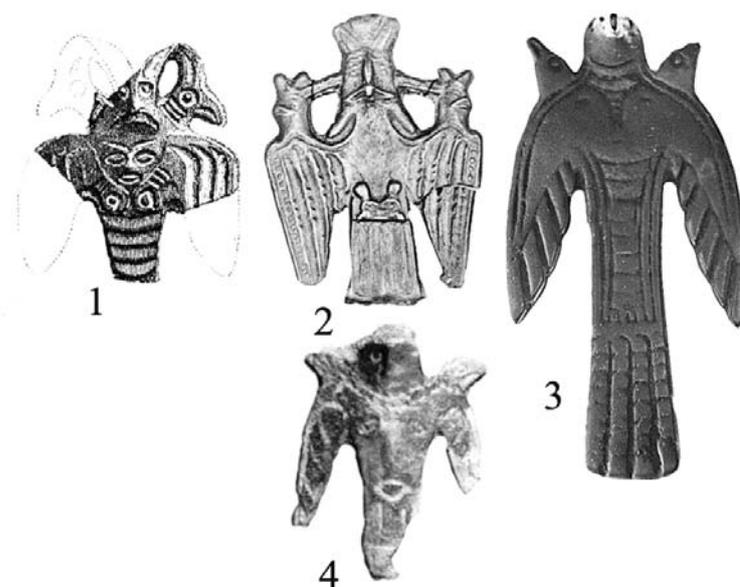

Рис.5. Орнитоморфы группы А.Ш.3.

1 – Гляденовское костяное ложе (по: Новокрещенных, 1914, с. 88); 2 – Ишимский клад (по: Ермолаев, 1914, с. 25); 3 – Скородумский «клад» (по: Кореньюк, Майстренко, 2011, с. 146); 4 – Соровское культовое место (по: Кардаш, 2008, с. 217).

Fig. 5. Ornithomorphs of group A.Sh.3.

1 – Glyadenovskoe bone bed (after: Novokreschennykh, 1914, p. 88); 2 – Ishimsky hoard (after: Ermolaev, 1914, p. 25); 3 – Skorodumsky “hoard” (after: Korenyuk, Maistrenko, 2011, p. 146); 4 – Sorovskoe cult site (after: Kardash, 2008, p. 217).

антропоморфный. В Средневековье появляется образ птицы с распахнутыми крыльями, что символизирует душу, которая после смерти не остается во вместилище, а улетает навстречу Верховному божеству (Чижова, 1987, с. 132).

Рассматривая орнитоморфные изделия как непосредственно культовые, мы можем выделить определенные функции в данной весьма расплывчатой категории. Во-первых, жертвы богам, обильно находимые на святилищах. Судя по наличию кузнечного инструментария и выплескам металла, фигурки изготавливались прямо на святилище, чтобы тут же быть принесенными в жертву. Об этом свидетельствует и отсутствие креплений, и низкое качество отливки, и отсутствие последующей обработки. Очевидно, и фигурка, и облой (затеки металла между створками литейной формы) имели своё ритуальное значение. Но и на святилищах, а затем и в «кладах» имеются подвески с креплениями. До попадания на святилище в качестве жертвы они, вероятно, использовались как украшения, о чем говорит тщательность исполнения и обработки изделия. Случайные находки, составляющие большинство среди имеющихся изделий, могут свидетельствовать о наличии святилища. Однако уже отмечено, что для святилища характерно хотя бы несколько находок культового литья вместе. Так что

случайные находки, скорее всего, являются вотивами.

В качестве подобных приношений известны культовые места хантов и манси, функционирующие до этнографической современности. Они представляют собой небольшой амбар на возвышении, внутри которого хранятся священные предметы, иными словами, родовое святилище (Бауло, 2016). Примечательно то, что обские народы изредка продолжали выплавлять орнитоморфов вплоть до начала XX века, хоть и не в таких масштабах. Использование образа в качестве родового фетиша указывает на подзабытое, но все еще почитаемое тотемное значение.

В культовой обрядности удмуртов есть такое понятие, как «воршуд». Воршуд – это и коробка с особым содержимым, исполняющая роль семейной святыни, и божество – покровитель рода, и конкретное орнито-, зоо-, антропоморфное изображение божества (Владыкин, Христоролюбова, 1997, с. 112). Кроме того, воршуд обозначает вертикальный столб, расположенный возле очага в культовых постройках. Некоторые изогнутые подвески, вроде медведя из собрания Строгановых или крылатой медведицы из Васюганского клада, могли привязываться к воршудам (Оятева, 2003, с. 24; Богданов, 2008, с. 168). Однако подвески находились там не посто-

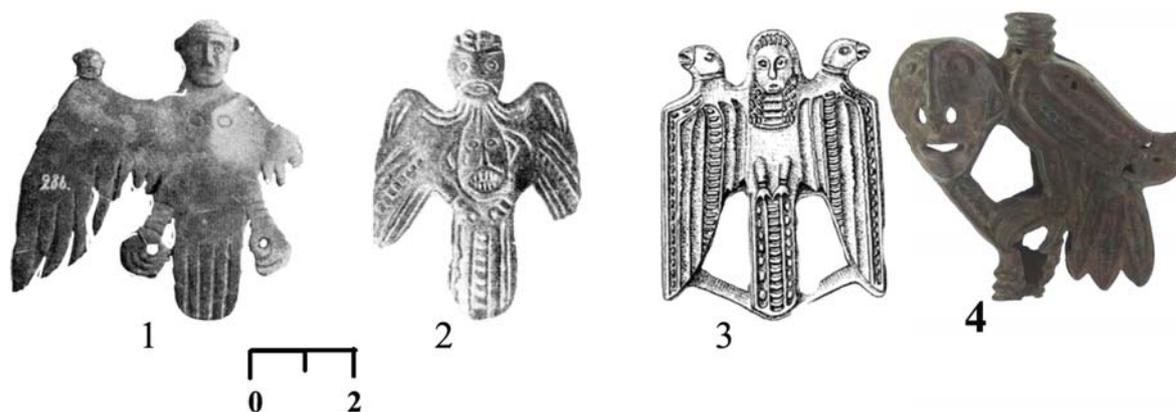

Рис. 6. Орнитоморфы группы В.

1 – фигура типа В.1.1. Пижемское городище (по: Шмидт, 1927, с. 151); 2 – с. Пиковка (по: Могильников, 1969, с. 258); 3 – Холмогорский клад (по: Зыков, Федорова, 2001, с. 104); 4 – Большевисимский могильник (по: Оборин, Чагин, 1988, с. 71).

Fig. 6. Ornithomorphs of group B.

1 – figure type B.1.1. Pizhemsкое hillfort (after: Schmidt, 1927, p. 151). 2 – Píkovka village (after: Mogilnikov, 1969, p. 258); 3 – Kholmogorsky hoard (after: Zykov, Fedorova, 2001, p. 104); 4 – Bolshevisimsky burial ground (after: Oborin, Chagin, 1988, p. 71).

янно и могли перевешиваться, например, на посох, чтобы быть иллюстрацией истории о родовых предках, рассказываемой на медвежьем празднике (Богданов, 2008, с. 168). Так, предметы литья могли выполнять и воспитательную функцию. Расположение на столбах или деревянных подставках на святилищах должно было иллюстрировать миф о мировом древе.

Характерными иконографическими признаками изделий являются крылья, голова и антропоморфное изображение на груди. Личина на груди, вопреки ожиданиям, является всего лишь дополнительным признаком. Хищные птицы без антропоморфных обра-

зов широко бытовали в гляденовской культуре, мифические трехголовые – в Кулайской. Однако, несмотря на это, форма и исполнение личины на груди орнитоморфа является датирующим признаком. Что касается функции орнитоморфных подвесок, то они могли быть родовыми тотемами, вместилищами душ умерших, жертвенными приношениями, вотивами, украшениями (нагрудными и нашивными). В мифологии населения Северной Евразии образ птицы занимает значительное место и включает в себя сюжеты о человекоподобной птице, птице-душе, птице-проводнике, птице-посреднике между людьми и богами.

ЛИТЕРАТУРА

Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 3. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1899. С. 87–160

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических источников и случайных сборов. Новосибирск: Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 260 с.

Белавин А.М. Антропоморфные фигуры Северной Евразии: Перун, Войпель или Нуми-Торум // Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. Салехард, 27-30 ноября 2012 г. / Отв. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург: Издательство «Деловая пресса», 2012. С. 131–137.

Белавин А.М. Об этнической принадлежности пермского средневекового звериного стиля // Труды КАЭЭ. Вып. I–II / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2001. С. 14–24.

Богданов М.В. Художественные особенности фигурки крылатого медведя из Васюганского клада (опыт семантической дешифровки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. Сер. 2. Вып.2. С. 163–169.

Викторова В.Д. Сокровища филина. Духовная культура древних металлургов Зауралья. Уральская библиотека. URL: http://urbibl.ru/Stat/Kladi/sokrovasha_filina.htm (Дата обращения: 02.03.2020)

Владыкин В.Е., Христоролюбова Л.С. Этнография удмуртов: Учебное пособие по краеведению. 2-е изд., перераб. и доп. Ижевск: Удмуртия, 1997. 245 с.

Генинг В.Ф. Структура археологического познания: проблемы социально-исторического исследования. Киев: Наукова думка, 1989. 296 с.

Ермолаев А.П. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Ишимская коллекция. Красноярск: типография, б. М.И. Абалакова, 1914.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III-IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Кардаш О.В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соревских озерах // Барсова гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А. Я. Труфанову Екатеринбург-Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 207–218.

Кореньюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский «клад» // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред В.М. Морозов. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 139–146.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим данным. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Кулябина Н.В. Наследие Камской чуди: Пермский звериный стиль: из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог. Пермь, 2013. 267 с.

Могильников В.А. Находки из с.Пиковки // СА. 1969. №3. 1969. С. 254–259.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Т. XI. Пермь, 1914. С. 19–97.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1976. 189 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1988. 178 с.

Оятева Е.И. Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. 127 с.

Панкратова Л.В. Иконография птицевидных образов с развернутыми крыльями в Кулайской металлопластике // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3 (23). С. 259–265.

Парабельское культовое место. Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатинова. URL: <https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/>. (Дата обращения: 28.04.2020)

Сладкова Л.Н. Рогалихинский клад // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики / Гл. ред. Е.П. Токарева. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. С. 150–160.

Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА Т. VIII. Вып. 1. СПб, 1906. С. 29–145.

Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных / Пермский край. Вып.2. Пермь, 1893. 74 с.

Туркина Т.Ю. Орнитоморфные мотивы в искусстве населения Европейского Северо-востока в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. Вып.1 (17). С. 94–102.

Чернецов В.Н. Бронза Усть-Полуйского времени // МИА. №35. / Под ред. А.В. Збруевой. М.: АН СССР, 1953. С. 121–178.

Чижова Л.В. К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья (по сюжетам культового литья) // СА. 1982. №3. С. 81–96.

Чижова Л.В. Культовое литьё лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев // Новые археологические исследования на территории Урала / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 1987. С. 121–134.

Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. Вып 6. / ред. Е. Карский. Л.: АН СССР, 1927. С. 125–164.

Щапова Ю.Л. Археология и морфология // СА. 1991. № 2. С. 120–131.

Челякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири // Тверской археологический сборник. Вып.8 Т.II. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 43–74.

Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. С. 178–197.

Информация об авторе:

Муратбакиева Анастасия Дмитриевна, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия); NMuratbakieva@gmail.com

REFERENCES

- Anuchin, D. N. 1899. In *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates)* 3. Moscow: "Tipografiya M.G. Volchaninova" Publ., 87–160 (in Russian).
- Baulo, A. V. 2016. *Drevniaia bronza iz etnograficheskikh istochnikov i sluchainykh sborov (Ancient Bronze from Ethnographic Sources and Occasional Collections)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Belavin, A. M. 2012. In Fedorova, N. V. (ed.). *Arkheologiya Artiki (Arctic Archaeology)*. Yekaterburg: "Delovaya pressa" Publ., 131–137 (in Russian).
- Belavin, A. M. 2001. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* I–II. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 14–24 (in Russian).
- Bogdanov, M. V. 2008. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. Seria 2 (Vestnik of Saint Petersburg University. History. Series 2)* 2. 163–169 (in Russian).
- Viktorova, V. D. *Sokrovishcha filina. Dukhovnaia kul'tura drevnikh metallurgov Zaural'ia. Ural'skaia biblioteka (Treasures of an Owl. Spiritual Culture of the Ancient Metallurgists of the Trans-Urals)*. Ural library Available at: http://urbibl.ru/Stat/Kladi/sokrovasha_filina.htm (accessed: 02.03.2020) (in Russian).
- Vladykin, V. E., Khristolyubova, L. S. 1997. *Etnografiia udmurtov: Uchebnoe posobie po kraevedeniyu (Ethnography of the Udmurts: Study Guide on Local History)*. Izhevsk: "Udmurtia" Publ. (in Russian).
- Gening, V. F. 1989. *Struktura arkheologicheskogo poznaniia: problemy sotsial'no-istoricheskogo issledovaniia (The Structure of Archaeological Knowledge: Issues of Socio-Historical Research)*. Kiev: "Naukova dumka" (in Russian).
- Ermolaev, A. P. 1914. *Opisanie kolleksitsii Krasnoiarskogo muzeia. Otdel arkheologicheskii. Ishimskaia kolleksitsiia (Description of the Collections of the Krasnoyarsk Museum. Archaeological Department. Ishim Collection)*. Krasnoyarsk: "tipografiya, b. M.I. Abalakova" Publ. (in Russian).
- Zykov, A. P., Fedorova, N. V. 2001. *Kholmogorskii klad: kolleksitsiia drevnostei III-IV vekov iz sobraniia Surgutskogo khudozhestvennogo muzeia (Kholmogory Hoard: a Collection of Antiquities of the 3rd-4th Centuries from the Fund of the Surgut Art Museum)*. Yekaterinburg: "Sokrat" Publ. (in Russian).
- Kardash, O. V. 2008. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Barsova gora: drevnosti taezhnogo Priob'ia (Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob Region)*. Ekaterinburg–Surgut: "Ural'skoe izdatel'stvo" Publ., 207–218 (in Russian).
- Korenyuk, S. N., Maistrenko, D. A. 2011. In Morozov, V. M. (ed.). *Shestye Bersovskie chteniia (Sixth Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 139–146 (in Russian).
- Kosarev, M. F. 2003. *Osnovy iazycheskogo miroponimaniia: po sibirskim arkheologicheskim dannym (Foundations of the Pagan Worldview: Based on Siberian Archaeological and Ethnographic Data)*. Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).
- Kulyabina, N. V. 2013. *Nasledie Kamskoi chudi: Permskii zverinyi stil': iz sobraniia Permskogo kraevedcheskogo muzeia (The Heritage of Kamskaya Chud: Perm Zoomorphic Style: from the Collection of the Perm Museum of Local Lore: Catalog)*. Perm (in Russian).
- Mogil'nikov, V.A. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 254–259 (in Russian).
- Novokreshchennykh, N. N. 1914. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)*. XI, Perm 619–97 (in Russian).
- Oborin, V. A. 1976. *Drevnee iskusstvo narodov Prikam'ya. Permskij zverinyi stil' (Ancient Art of the Peoples of the Kama Region. Perm Zoomorphic Style)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Oborin, V. A., Chagin, G. N. 1988. *Chudskie drevnosti Rifeia: permskii zverinnyi stil' (Chud Antiquities of the Riphean: the Animal style of Perm)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Oiateva, E. I. 2003. *Iskusstvo Prikam'ia po materialam khudozhestvennoi metallicheskoj plastiki (Art of the Kama Region on the Materials of Artistic Metal Plastics)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
- Pankratova, L. V. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 23 (3), 259–265 (in Russian).
- Parabel'skoe kul'tovoe mesto. Tomskii oblastnoi kraevedcheskii muzei im. M. B. Shatipov (Parabel'skoe Cult Site. Tomsk Regional Museum of Local Lore named after M. B. Shatipov)*. Available at: <https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/> (accessed: 28.04.2020) (in Russian).

Sladkova, L. N. 2015. In Tokareva, E. P. (ed.). *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki (Ancient Cults, Ceremonies and Rituals: Monuments and Practices)*. Zimovniki: Zimovniki Museum of Local Lore, 150–160 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1906. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* VIII (1). Saint Petersburg, 29–145 (in Russian).

Teploukhov, F. A. 1893. *Drevnosti Permskoi chudi v vide basnoslovnykh lyudei i zivotnykh (Antiquities of the Perm Chud in the Form of Fabled People and Animals)* Series: Permskii Krai (Perm Krai) 2. Perm (in Russian).

Turkina, T. Yu. 2014. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 1 (17). 94–102 (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Kuzminykh S. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 8 (II). Tver: 'Triada' Publ., 43–74 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1953. In Zbrueva, A. V. *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 121–178 (in Russian).

Chizhova, L. V. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 81–96 (in Russian).

Chizhova, L. V. 1987. In Goldina, R. D. (ed.). In *Novye arkheologicheskie issledovaniia na territorii Urals (Recent Archaeological Research in the Territory of the Urals)*. Izhevsk: Udmurt State University, 121–134 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1927. In Karsky, E. (ed.). *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii SSSR (Bulletin of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Academy of Sciences of the USSR)* 6. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 125–164 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1991. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 120–131 (in Russian).

Yakovlev, Ya. A. 1996. In Chindina, L. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri (Materials and Research of Cultural and Historical Issues of the Peoples of Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 178–197 (in Russian).

About the Author:

Muratbakieva Anastasiia D. Saint Petersburg State University. 13B Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation; NMuratbakieva@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.

Статья принята к публикации 01.10.2021 г.